

ПУШКИН: «ДРУЖИНА УЧЕНЫХ КАКОГО БЫ РОДА ОНИ НИ БЫЛИ, ВО ВСЕХ НАБЕГАХ ПРОСВЕЩЕНИЯ, НА ОБРАЗОВАННОСТИ...» (НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ

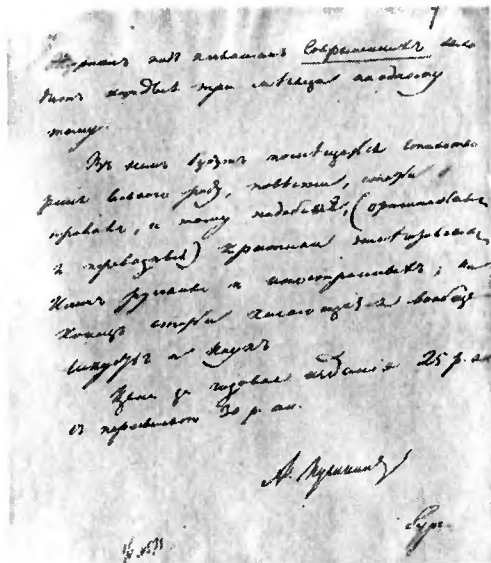
Т. ЧИСТЯКОВА, научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина [Ленинград].

150 лет назад, в апреле 1836 года, вышел первый номер основанного А. С. Пушкиным журнала «Современник».

Мы воспринимаем название журнала как слово нашего времени. Что слышал в нем Пушкин? Слово «современник», как известно по «Словарю языка Пушкина», было употреблено им 57 раз и чаще всего в основном значении: «лицо, живущее с кем-либо или с чем-либо в одно время». Слово это было распространено в русском языке с середины 70-х годов XVIII в. Толковый словарь Даля приводит глаголы «современять, современить — приравливать к своему времени». Скорее всего именно в этом смысле, новом для языка 30-х годов, и упо-

требил Пушкин слово «современник» в названии журнала. (Любопытно, что Академический словарь 1847 года, включая уже вошедшее в то время в язык слово «современность», приводит как одно из его значений — «злободневность».)

Для Пушкина-редактора главным в журнале, вне всякого сомнения, были художественные произведения. Но, как вспоминал Одоевский, Пушкин считал, что «люди образованные, которым «Современник» в особенности посвящен», не могут быть в стороне от основных направлений развития науки. В определенной своей части журнал является просветительским в истинном понимании этого явления общественной жизни.

Программа журнала «Современник», представленная Пушкиным в Санкт-Петербургский цензурный комитет.

Первая страница журнала «Современник», т. 1, 1836.

И ПИСАТЕЛЕЙ, ВСЕГДА ВПЕРЕДИ, ВСЕХ ПРИСТУПАХ ТЕМА В «СОВРЕМЕННОМ»)

«Завистники не смели отказать ему в таланте, другие искренне дивились его стихам, но немногим было открыто то, что в нем было, если возможно, еще совершеннее — его всепоглощающий ум и высокие чувства прекрасной души его», — писал о Пушкине не склонный на похвалы Ф. Ф. Вигель. К таким немногим относился и Петр Александрович Плетнев, профессор, потом ректор Петербургского университета, которому поэт посвятил «Евгения Онегина». Он вспоминал: «Природа, кроме поэтического таланта, наградила его изумительной памятью и проницательностью. Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь». Эти дарования явились не только основой глубокой и всесторонней образованности Пушкина, но и развили в нем редкую способность: уметь увидеть основополагающие, перспективные (т. е. современные) научные открытия и изобретения из всего их многообразия.

Пушкинская эпоха характерна как необычайным подъемом общественной жизни, так и бурным развитием производительных сил и выдающимися научными изобретениями. Ставились и решались вопросы не только в отдельных отраслях знаний, но и проблемы синтеза наук, дающего возможность более общего взгляда на развитие и всего общества. Еще Ломоносов призывал: «Объять все отрасли просвещения сила, а не слабость».

В отличие от многих современников Пушкин никогда не противопоставлял создание художественных образов научному творчеству.

В «Северных цветах» Дельвита за 1828 г. Пушкин публикует несколько «Мыслей». Одна из них: «Вдохновение есть расположение души к живейшему приятию впечатлений и соображению понятий, следовательно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии». Он верит в безграничность человеческих познаний, хотя ясно осознает тернии на этом пути.

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещения дух
И Опыт (сын) ошибок трудных
И Гений (парадоксов) друг
(И Случай, бог изобретатель).

Этот отрывок датируется 1829 г. В 1950 г. президент Академии наук СССР физик

А. С. Пушкин. Художник В. И. Шухаев. 1960.
Бумага, пастель, сангина.

С. И. Вавилов писал, что этот фрагмент «свидетельствует о проникновенном понимании Пушкина методов научного творчества.., гениален по своей глубине и значению для ученого».

Лучшие люди пушкинского времени считали себя обязанными быть в русле не только общественной, но и научной жизни.

В 1836 г. А. И. Тургенев, близкий друг Пушкина, знавший его с детских лет, писал: «Я совсем не охотник до наук точных, а еще менее знаток в оных, но по необходимости должен заглядывать в Академию по понедельникам для того, чтобы быть au courant (в курсе — прим. ред.) главных открытий и даже попыток открытий в том, что делается немногими для всех и каждого. Иначе взгляд на мир нравственный, на мир интеллектуальный и даже политический не будет верен. Энциклопедический взгляд не мешает специальности; с тех пор, как я справляюсь об успехах машин и о газе, я лучше сужу о Людовике XIV и о Петре Великом».

И своих героев, Онегина и Ленского, автор наделяет широтой интересов.

Меж ними все рождало споры
И к размышлению вело:
Пламен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло...

Надо сказать, А. И. Тургенев не был исключением. Вот несколько примеров из окружения Пушкина. В альбоме Ушаковой сохранился портрет Павла Львовича Шиллинга, выполненный рукой поэта. Это был

В. Ф. Одоевский. Портрет инсти Помровско-го, 1844. Холст, масло.

Пушкина и Одоевского сближала активная позиция просветителей, взгляд на научные исследования и литературную деятельность как на две ипостаси творчества, благоприятно воздействующие друг на друга. «Опытные наблюдения, точные науки убивают поэзию». Какая странная застенчивость в этих ребяческих возгласах... И вы не заметили еще, что наукой раздвинулось поприще факторов, что материал поэзии приумножается таким богатством, которое никогда не могло войти в голову Юпитера, хотя в ней сидела сама Минерва», — писал Одоевский.

дипломат, один из первых русских востоковедов, изобретатель первого электромагнитного телеграфа. Пушкин был знаком с ним с 1818 г.

Михаил Александрович Максимович — историк, фольклорист, поэт, биолог. С 1833 г. Максимович — профессор ботаники Московского университета. В «Северных цветах на 1832 год» Пушкин помещает его статью «О жизни растений».

Но особое место в петербургском обществе 30-х годов занимал Владимир Федорович Одоевский. «Любознательность... есть основная моя стихия», — писал он историку и журналисту М. П. Погодину. Позднее Погодин отмечал, что Одоевского «привлекали... литература, философия, химия, педагогика, биография, юриспруденция». Справедливости ради надо добавить: филология, политэкономия, математика, физика, биологические науки, медицина. «Кто изучал только одну науку, тот ее не знает... Каждый предмет для разумения его требует всех наук и, сверх того, разумного их сопряжения», — писал Одоевский. Ко времени знакомства с Пушкиным в 1834 г. Одоевский был уже опытным популяризатором. Знаменитые «среды» 30-х годов у Одоевского неизменно отличались разнообразием интересов присутствующих. Вот как потом, в 1864 г., вспоминал их Вяземский: «Здесь сходились веселый Пушкин, отед Иакинф с узившимися китайскими глазками, толстый путешественник тяжелый немец-барон Шиллинг, возвратившийся из Сибири, живая и миловидная графиня Ростопчина, Глинка, профессор химии Гесс, Лермонтов, неуклюжий и многозначительный археолог Сахаров; Крылов, Жуковский, Вяземский были постоянными посетителями».

Одоевский вспоминал, что в 1833 г. Пушкин выказывал мысль об организации «большого повременного издания, которое касалось бы, по возможности, главнейших сторон русской жизни». Возможно, что эта потребность обострилась после выпуска Пушкиным альманаха «Северные цветы на 1832 год», посвященного памяти Дельвига. Даже в этом литературном альманахе заметную часть составляли произведения, которые мы теперь назвали бы «научной прозой». Там были опубликованы и фрагмент романа Лажечникова «Последний Новик» — труд не только литератора, но историка и этнографа, и статья Бичурина «Байкал», написанная по личным впечатлениям. Они смыкались со статьей Максимовича «О жизни растений» и рассуждениями Погодина «Нечто о науке».

31 декабря 1835 года Пушкин обратился к Бенкендорфу за разрешением «издать 4 тома статей чисто литературных..., исторических, ученых, а также критических разборов русской и иностранной словесности». И 11 апреля 1836 года увидел свет первый том «Современника» — «литературного журнала, издаваемого Александром Пушкиным», — как значилось на титульном листе. Следует напомнить, что сочетание литературных, исторических и ученых статей не было неожиданностью для русского читателя. Публикации новостей, относящихся к наукам и искусствам (техническим приложениям научных открытий), были традиционными начиная с 1727 г., когда стали выходить «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям», продолжавшие просветительную политику Петра I.

Ближайшим соратником и помощником Пушкина в деле просвещения стал Одоевский. Он вспоминал: «В беседах Пушкина с друзьями, когда он около 36 г. предпринял издание «Современника», постоянно возбуждалась мысль о необходимости показать пример, каким образом об ученых предметах можно говорить человеческим языком».

4 тома «Современника», вышедшие при жизни Пушкина, содержали 54 произведения, каждый том заканчивался обзором новых книг. Было напечатано: 2 статьи по географии, 2 — по экономике и статистике,

2 — по математике и астрономии, 4 — по общим вопросам просвещения, то есть 10 произведений из 54 были посвящены науке — почти одна пятая журнала. В обзоре новых книг читателям предлагалось: 15 книг по математике, физике, астрономии и прикладным наукам, 15 — по биологии, медицине и сельскому хозяйству, 4 — по географии, статистике и экономике, то есть около четверти перечисленных изданий, в том числе: «Руководство к сокращенному познанию всех наук», «Физика в приложении к зодчеству», «Правила построения мореходных и речных пароходов», «Краткая ботаника», «Курс чистой математики». А некоторые из книг, такие, как «Плавание по Белому морю в Соловецкий монастырь» Озерецковского и «Путешествие вокруг света» (издание Плюшара), отмечены похвалой редактора как «книги, пишущиеся для того общества, которое нужно, как детей, заохотить и принуждать к чтению».

Начало XIX в. — время освоения новых видов технических средств, новых технологических процессов во всех отраслях материального производства в России. Паровые бумагоделательные машины в текстильной промышленности, паровые машины на канатных, сахарных и лесопильных заводах нашли столь широкое применение, что налажено было производство паровых двигателей для промышленности и транспорта.

От такого темпа научно-технического развития общества у многих современников захватывало дух. Небезызвестный Ф. Булгарин писал в 1826 г.: «Кто знает, как высоко поднимутся науки через сто лет, если они будут возвышаться в той же соразмерности, как доселе! Быть может, мои внуки будут на какой-нибудь машине скакать в галоп по волнам из Петербурга в Кронштадт и возвращаться по воздуху».

Реакционная публицистика тех лет убеждала читателей во вредности технических изобретений и научных открытий. Так, в журнале «Сын отечества» за 1835 г. была напечатана статья «Об устраниении железных дорог в России». Годом раньше в том же журнале появился грубый памфлет, высмеивающий геометрию Лобачевского.

Программой статьи журнала «Современник» в области просветительской политики была статья Одоевского во II томе, заглавие и основное направление которой дал Пушкин, «О вражде к просвещению, замечаемому в новейшей литературе». «Думаю начать 2 № статью вашей, дельной, умной, сильной», — сообщает Пушкин в письме Одоевскому в апреле 1836 г. Автор статьи осуждает «чудовищный род литературы, основанный на презрении к просвещению, исполненный ребяческих жалоб на несовершенство ума человеческого, ребяческих воспоминаний о счастливом невежестве предков».

Нельзя не отметить, что большинство крупных журналов того времени имели на-

учно-популярные разделы, но эти материалы по преимуществу были переводными, хотя подчас это и не указывалось, и кроме того, носили сухой информативный характер.

Например, журнал «Библиотека для чтения» за 1834 и 1835 годы печатает статьи: «Финансовое состояние Англии» («заимствовано из одного из лучших в Англии журналов»), «Земной шар до потопа» (из речи доктора Паризе), «Мир и его создатель» (ссылка на 4 английских авторов), «Жабий дождь» (из сообщений французской Академии наук).

Позиция «Современника» была иной. И Пушкин, и Одоевский уверены в необходимости «знакомить наших простолудин» (в зипунах и во фраках) с положительными знаниями, излагая их общедоступным языком» (Одоевский). И тот и другой были способны выделить ведущие идеи времени, а не потчевать читателя набором сенсационных или утилитарных сообщений. Оба они не сомневаются в бурном развитии общества, в мощном научно-техническом прогрессе. Но если Одоевский видит осуществление этого через 2,5 тысячи лет, Пушкин еще в 7-й главе «Евгения Онегина» с большей верой относился к возможностям русского народа:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более грани,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе России здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой.
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...

Как точно отмечал наш современник, академик М. П. Алексеев, «...вся XXXIII строфа 7-й главы «Онегина» с бодрым тоном

научно-технического предвидения не имеет сколько-нибудь значительных аналогий в западноевропейской литературе тех лет».

Что же предлагает своим читателям редактор «Современника»?

Имя князя Петра Борисовича Козловского, дипломата, 30 лет проведшего в Европе, в 1836 году было одним из самых популярных в петербургском свете. Знарок античной культуры, поэт, он был и прекрасным рассказчиком. Слушатели дивились его познаниями в точных науках. Сохранился фрагмент обращения Пушкина к Козловскому:

Ценитель умственных творений
испоинских,
Друг бардов английских, любовник муз
латинских,
Ты к мощной древности опять меня
манишь...

Близко знавший Козловского В. Ф. Одоевский так оценивал его: «Князь Козловский был и человек светский и вместе человек положительно ученый, в особенности по части чистой и прикладной математики; с умом чрезвычайно ясным он соединял искусство говорить и писать о самых сложных и затруднительных предметах просто, определительно и при том живописно». Он же вспоминал: «Мысль начать наконец вулгаризацию [популяризацию.— Прим. ред.] науки весьма интересовала Пушкина, и в кн. Козловском Пушкин нашел человека вполне способного к такому делу».

В первом томе «Современника» была помещена статья П. Б. Козловского «Разбор математического ежегодника за 1836 год», половину которой занимали общие соображения о пользе науки. «Наука должна быть достоянием не только высших, но и низших слоев населения. Только тогда возможно процветание науки». Впервые в России так четко излагалась связь науки и просвещения. Козловский ссылается на французский журнал «Ежегодник бюро долгот на 1836 г.», в котором «первейшие профессора математических и физических наук стараются поместить ... занимательную статью». «Так, например,— пишет Козловский,— в «Ежегоднике» 36 года профессор Араго излагает простым слогом все известное Астрономии о той комете, которою все несколько месяцев тому назад любовались, или пугались, по мере наших познаний или предрассудков и толкований невежд». Автор доверительно обращается к читателю с желанием объяснить цель метрической системы, рассказывает о таблицах Лапласа, рассказавшего приливы в портовых городах Франции на основе классической механики Ньютона. Патриот Петербурга, Козловский надеется «из долголетних постоянных примечаний извлечь периодический закон», в результате которого «прекрасный город, воздвигнутый Петром Великим, не будет всегда жить в темном неведении об эпохе наводнения». С резкой отповедью выступает Козловский против псевдонаучных сенсаций. «Мы надеемся, что имя славного мужа (речь идет об английском астрономе Джоне

Гершеле) не пострадает во мнении людей просвещенных от дерзости какого-то шарлатана в Америке или Голландии, который в нынешнем году выдал книгу, в коей описаны предметы, будто бы видимые Гершелем на Луне, как то: строения, крепости, летающие существа, подобные нам, и пр. К стыду Европы книжка сия с жадностью раскупалась в обществе людей порядочных, верующих такому бесстыдному обману». Нельзя не заметить, что некоторые проблемы, затронутые Козловским, не потеряли своей остроты.

Вторая статья П. Б. Козловского, опубликованная в III томе «Современника», называлась «О надежде».

Статья Козловского открывает раздел прозы, очевидно, редактор придавал ей особое значение. Сейчас мы отнесли бы ее к жанру научной прозы. Эпиграф из Горация «Ex fumo dare lucem» (из дыма давать свет) раскрывает стремление автора помочь читателю в непринужденной беседе усвоить научную идею, как бы уловить вспышку пламени из «дыма» формул и трудностей рассуждений. Это была первая статья русского автора о теории вероятностей. (Следующая работа — Буяковской — выйдет в 1846 году).

Теория вероятностей привлекала все большее внимание в XIX в. в связи с развитием демографии, статистики, страхового дела, хотя не потеряла и исходного интереса — анализа азартных игр.

Редактор «Современника» заказал Козловскому еще одну статью — на этот раз о паровых машинах — и беспокоился о ее окончании. П. А. Вяземский вспоминал: «Именно в последний разговор мой с Пушкиным 26 января (на бале у графини Разумовской) просил меня написать к кн. Козловскому и напомнить ему об обещанной статье для «Современника».

Ознакомление читающей русской публики с физическими явлениями, лежащими в основе действия паровых машин, и с конструктивным их воплощением у Козловского было представлено по его «собственной методе». Эта «собственная метода» заключалась в чередовании изложения физических законов, сложных для неподготовленного читателя, с экскурсами в историю, яркими примерами, злободневными рассуждениями. Статью иллюстрировали чертежи и схемы, как если бы печаталась она не в литературном журнале, а в монографии по технике. Появилась эта статья в 7-м томе «Современника», вышедшем уже после гибели А. С. Пушкина и изданном Плетневым, Жуковским, Вяземским, Одоевским в 1837 году. Козловский писал: «...его продолжатели... мне благосклонно сообщили, что одно из последних желаний покойника было исполнение моего обещания доставить в «Современник» статью о теории паровых машин». Работа Козловского — первая для читателя-непрофессионала по этой теме.

Технический прогресс порождал развитие новых экономических отношений, изменял социальную структуру общества. И на это

откликается «Современник» статьей «Статистическое описание Нахичеванской провинции» (II том) и «Государственная внешняя торговля за 1835 год в разных ее видах» (III том).

Великие географические открытия первой трети XIX в. расширяли представление о планете, вызвали естественный интерес к новым землям, природе, народам. Особое внимание привлекали Соединенные Штаты Америки. Шло освоение обширных территорий бассейна Миссисипи. Результаты экспедиций ученых Патти, Бонвилля были опубликованы в 30-е годы. Так, очерк Бонвилля «Скалистые горы, или сцены, происшедшие и приключения на Дальнем Западе» были разрекламированы писателем Вашингтоном Ирвингом. Немецкий писатель Шамиссо привлекал внимание европейцев к Новому Свету, решению вопросов «о политической свободе индейцев в состоянии перехода от угнетения к свободной самобытности».

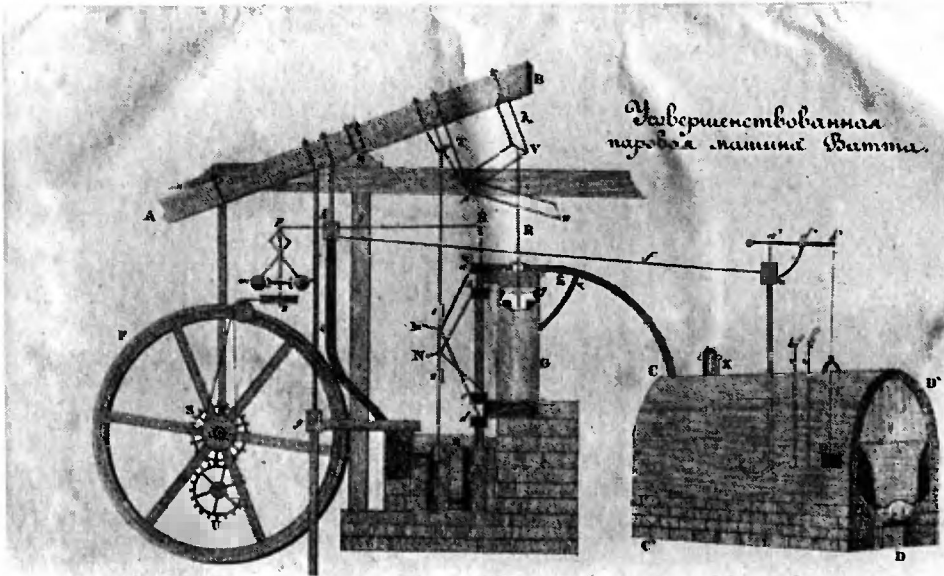
А. С. Пушкин пишет для своего журнала статью «Джон Теннер», посвященную этому вопросу. Статья представляет собой изложение записок Джона Теннера, проведенного среди индейцев 30 лет. Они были изданы в Нью-Йорке в 1830 г. Пушкин сделал перевод с парижского издания 1835 года, снабженного предисловием Ирвинга. Автор обильно цитирует оригинал, передавая экзотику природы и особенности человеческих отношений, столь необычных для европейцев. Жителей Старого Света интересовали и новые социальные отношения в Штатах после принятия конституции 1787 года.

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей, наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виной. Америка спокойно совершает свое поприще донныне безопасная и цветущая, сильная

миром, упрощенным ей географическим положением, гордая своими учреждениями». Пушкин знаком с работой Токвиля «О демократии в Америке», что следует из текста статьи. Он продолжает: «Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американцев и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые давно уже решены...» Существо происходящего, которое открылось глубокому уму Пушкина, предстало далеко не в идиллическом виде. «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавлено неумолимым эгоизмом и стремлением к довольству; большинство, нагло притесняющее общество, рабство негров посреди образованности и свободы». Эти строки написаны 150 лет назад. Как не восхититься их проницательностью!

Первую половину XIX в. называют «золотым веком» русской географии. Кругосветные путешествия Крузенштерера, Беллинсгаузена, Головина, Коцебу snискали мировую известность. В 20-е годы Литке исследует малоизученный архипелаг Новая Земля, в восточном секторе Арктики работают экспедиции Врангеля и Анжу, основной задачей которых было уточнение карты Ледовитого океана. Книга Врангеля «Путешествие по северным берегам Сибири» и записки мичмана Матюшкина явились энциклопедией знаний о природе ранее неизвестного края. Продолжался поиск морского пу-

Иллюстрация к статье П. Б. Козловского «Краткое начертание теории паровых машин», напечатанной в пушкинском «Современнике» т. 7, 1837.

«ПИШУ ПО ДОЛЖНОСТИ ГРАЖДАНИНА»

Кандидат филологических наук Е. КОПОРСКАЯ.

У слов, как и у людей, своя судьба, своя история. Только в отличие от людей слова в большинстве своем живут очень долго. Они являются важным звеном, осуществляющим связь поколений.

«Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цветок всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории, — писал великий педагог Ушинский. — В языке одухотворяется весь народ и вся его родина... Язык есть... самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое... Пока жив язык народный в устах народа, жив и народ».

Жизнь языка тесно связана с жизнью народа, говорящего на нем, его историей, культурой. Все более или менее значительные события в жизни народа отражаются в языке. Рождаются новые слова, утрачиваются многие старые, большое количество слов приобретает новые значения, актуальные для данного времени. Справедливо заметил Дидро: «Одно лишь сравнение словаря языка в разные эпохи дает возможность представить прогресс народа».

Большинство слов в языке многозначно — имеет несколько значений. Именно эта многозначность свидетельствует о слож-

ной жизни, пройденной словом, хранит память о его прошлом, о событиях, свидетелем которых оно было. Некоторые писатели и литературные деятели, проникнувшие глубиной и сложностью семантики слова, склонны были даже проводить параллель между словом и живым существом. В этой связи интересно привести высказывание публициста и издателя XIX века М. Н. Каткова: «Каждое речение (то есть слово. — Прим. автора), кроме своего общего значения, или понятия, которым оно совпадает с соответствующими речениями других языков, есть нечто само собой существующее, нечто индивидуальное, имеющее свою историю и хранящее в себе следы разных положений, в которых случалось ему находиться. Художественное чувство относится к слову не просто как к понятию, но вместе с тем как к факту, как бы к особой оживленной сущности, запечатленной с своим прошедшим, имеющей свои воспоминания и притязания».

Одним из таких слов, имеющим «свои воспоминания и свои притязания», является слово **гражданин**.

В древнерусском языке это слово имело значение «житель города», «член городской общины» и было синонимично слову **горожвини**. Различались они тем, что слово **гражданин**, старославянское по своему

ти северными морями, предсказанного Ломоносовым.

Географические открытия в России имели уже замечательную историю. И экспедиция Беринга в 20-е годы XVIII в. в Северную Азию, и грандиозная по масштабам и так называемая Великая Северная экспедиция 30-х — 40-х годов. Именно работами, относящимися к этому исследованию, решено было начать в 1818 году печатание «Полного собрания ученых путешествий, издаваемого академией наук». Первые два тома содержали «Описание Земли Камчатки» Крашенинникова, снабженные комментариями нескольких академиков.

«Знать свое отечество во всех его пределах... всякому, уповаю, небесполезно», — эти слова Крашенинникова могли бы быть эпиграфом к его двухтомному труду. Как созвучны они мнению редактора «Современника»!

Пушкин изучает пространный труд Крашенинникова (почти в тысячу страниц) в середине января 1837 года. О пристальном его внимании говорят записи, заметки. Они состоят из трех частей:

1. План и набросок начала статьи.
2. Заметки о завоевании Камчатки.

3. Предварительный конспект исторических событий под заголовком «Камчатские дела».

Нам остался неизвестным замысел Пушкина, связанный с этим богатейшим материалом. Последняя дата в рукописях «Камчатских дел» — 20 января 1837 г.

Что должно было выйти из-под пера Пушкина на основе этих подготовительных материалов? Замечания так точны и образны, будто Пушкин сам побывал там: «Камчатка — страна печальная, гористая, влажная...» Прочитана и записана глава «О разных дорогах, которыми от Якутска в Камчатку ездят». Поэт мысленно отправляется за тысячи верст на Камчатку, за несколько дней до гибели! «Равнодушие к жизни» — помечает он в конспекте в том месте, где у Крашенинникова: «Ибо по их мнению лучше умереть, нежели не жить, как им угодно...»

Не все в труде Крашенинникова интересовало Пушкина в равной мере. 390 печатных страниц, относящихся к географии и этнографии, уложился в 11 страниц конспекта. А 30 страниц «Описания», рассказывающих об истории покорения Камчатки, записаны на 27 страницах. Пушкин — историк. Историк не столь далекого про-

происхождению, было книжным словом, а исконно русское слово **горожанин** употреблялось преимущественно в разговорной и деловой речи (в этом же значении «житель города» в более позднее время, с XVII века, употреблялись заимствованные из польского языка слова **мещанин** и **обыватель**). В древнерусских переводах с греческого языка слово **гражданин** использовалось также в значении «житель страны, подданный государству».

Новую жизнь слово **гражданин** начинает с середины XVIII века. Это был период интенсивного развития социально-политических движений, общественной мысли, науки, литературы, культуры и просвещения. В связи с новыми передовыми учениями о государстве, гражданском обществе, формирующимися под влиянием идей естественного права, слово **гражданин** получает новое значение «член гражданского общества». Такое употребление, например, встречаем у А. Кантемира в его примечаниях к Сатирам: «Все что я пишу,— пишу по должности (то есть по долгу) гражданина, отбывая все то, что согражданам моим вредно быть может» (Сатира II). Исследователь творчества Кантемира В. Я. Стоюнин, живший в XIX веке, замечал, что здесь у Кантемира «слово **гражданин** является уже не в прежнем значении «горожанина», а в смысле общественного деятеля, проникнутого не личными, а общими интересами».

Слово **гражданин** в новом значении начинает широко использоваться в произведениях русских общественных и литературных деятелей, мыслителей и ученых XVIII века — Тредиаковского, Козельского, Фонвизина, Новикова, Радищева. В их произведениях это слово наполняется новым со-

держанием, получает высокое патриотическое звучание и развигает новое значение: **гражданин** — это человек, исполненный сознания общественного долга, отдавший себя служению обществу, отечеству.

Тредиаковский писал: «Гражданин, пекущийся радетельно о тишине (то есть мире) общенародной».

В своем знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев страстно восклицал: «Варвар! Не достоин ты носить имя гражданина!»

Фонвизин, ратуя о гражданском равенстве, писал: «...все соединятся, все под знаменитым именем гражданина предстоять должны».

Слово **гражданин** становится символом передовых мыслей, идей, борьбы за свободу, равенство народа. Наряду со словами «общество», «равенство», «вольность» (в значении «свобода»), «согласие», «отечество» и другими оно имело совершенно определенный, понятный для современников политический смысл.

О том, как актуально было это слово в его новом значении и какой политический резонанс получило оно в общественной жизни России, свидетельствует тот факт, что в 1797 году император Павел указом запретил употребление слов «гражданин», «общество», «отечество». Слова, как и люди, попали в опалу, но, несмотря на запрещение, продолжали жить.

Работая над «Историей государства Российского», Н. М. Карамзин писал: «Для нас, русских душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует... Думать, мечтать — можем мы во Франции, Англии, Германии, но дело делать — единственно в России; иначе, нет гражданина, нет и человека».

шлого. В последний раз камчадалы взбунтовались в 1731 году, за 6 лет до того, как там побывал Крашенинников. Более всего занимает Пушкина судьба царских приказчиков на Камчатке: Федота I, Миронова, Чирикова и их междоусобица с Владимиром Атласовым, которого он называет «камчатским Ермаком». И как всегда, близка Пушкину поэзия народов, даже «ныне диких тунгусов». Помечает не раз: «Гора Аланд на пустынном Курильском острове (смотри о ней сказку ч. I — 108)». «Смотри грациозную их сказку о ветре и о зорях утренней и вечерней» (ч. II—11). «Смотри воровку камчадалов по убитому зверю, дабы он не рассердился (ч. II—207)».

Далекая страна, дикие и вольные нравы, самодержавная рука государя, дивные предания народов... Чему все это послужило бы основой? Кратким материалом в следующих номерах «Современника»? Может быть, и так — ведь именно в последние числа января Пушкин был занят новым, 5-м томом журнала.

Энциклопедичность журнала, издаваемого Пушкиным, очевидна. Стремлением к просвещению, «сподвижничеству», как сказал

Пушкин о Ломоносове, пронизаны все тома этого издания.

Не было здесь ни злобной критики «непонятой» геометрии Лобачевского, ни «Рассуждения о естественном Богопознании», ни выступлений против открытий Фраунгоферовых линий в спектре Солнца, ни даже сообщений о висячих мостах во Франции, чем пестрели журналы тех лет. Редактор «Современника» обращает внимание на самые современные достижения науки и техники, касающиеся прежде всего русской жизни. Только сейчас, спустя 150 лет, можно по достоинству оценить точность выбора тем Пушкиным. Теория вероятностей. Паровые машины. Проблема защиты Петербурга от наводнений. Статистика. Внешняя торговля. Познание обычаев и жизни ранее незнакомых народов. И все это «дельно и умно написано и занимательно для всякого», как считал сам редактор.

4 тома пушкинского «Современника» во-брали и воедино слили шедевры русской литературы и яркие страницы истоков русской научно-популярной литературы. «Дружина ученых и писателей, какого бы рода они ни были, всегда впереди, во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности...» — писал Пушкин в 1830 г.

Высоким пафосом наполнено слово «гражданин» в стихах Пушкина:

**Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной!**

К благородному гражданскому служению призывал Некрасов:

**Будь гражданин! служба искусству,
Для блага ближнего живи!**

[Поэт и гражданин].

Таким образом, слово **гражданин** — не только пассивный свидетель, но и активный соучастник свободлюбивых движений прошлых лет. И в нашу эпоху оно донесло свое высокое звучание. Широко известны строки из стихов о советском паспорте Маяковского: «Читайте, завидуйте. Я — гражданин Советского Союза».

Старое значение слова **гражданин** «житель города, горожанин» жило долго, оно употреблялось еще в середине XIX века. В современном языке это значение неупотребительно, оно сохранилось лишь в сочетании «почетный гражданин», хотя окончательно не исчезло из языка. Оно как бы находится в пассивном запесе языка и может использоваться в определенных художественных целях, например, для исторической стилизации.

Претерпели изменения и другие слова, обозначавшие жителя города, — **мещанин** и **обыватель**. Так, в конце XVIII века слово **мещанин** по указу Екатерины II получает определенное социально-правовое значение, оно начинает обозначать лишь низший слой городского населения в отличие от дворян и купцов. В этом значении слово **мещанин** широко используется вплоть до Октябрьской революции, до упразднения сословного деления общества.

В конце XIX — начале XX века слово **мещанин** приобретает новое оценочное значение — «человек с мелкобуржуазными интересами, узким кругозором». Предпосылки для такого переосмысления слова сложились еще в середине XIX века. Очень рано представители этого слоя городского населения проявили такие негативные черты характера, как равнодушие к общественной жизни страны, апатичность, косность; их взгляды, вкусы, привычки, традиции были проникнуты мелкобуржуазными интересами.

В книге «Былое и думы» А. И. Герцен дает уже такую оценочную характеристику мещанина: «В мещанине личность прячется и не выступает, потому что она не главное: главное товар, вещь, главное собственность». Особенно остро реакционность мировоззрения мещан, замкнутость в кругу мелких, личных интересов проявились в конце XIX — начале XX века, в годы подъема революционной борьбы против самодержавия. Именно в это время в слове **мещанин** закрепляется оценочное значение, несмотря на то, что такому употреблению оказывалось противодействие. Так, например, журнал «Русское богатство» (1902 г.) в рецензии на пьесу М. Горького «Мещане» называл «непростительным каламбуром» использование слова **мещанин** в новом несловном значении. Переосмыслению под-

вергаются и однокоренные слова — **мещанский**, **мещанство**. Эти слова в новом значении начинают употребляться в политической и публицистической литературе. Г. В. Плеханов писал о словах **мещанский** и **буржуазный**: «Стоит эти слова направить против какого-нибудь общественного деятеля или литературного произведения, и они будут действовать как яд, убивающий самый сильный организм, разлагающий, уничтожающий» («За двадцать лет», Предисловие к 3-му изданию). Эти слова Плеханова продолжают звучать актуально и в наши дни.

Аналогичному переосмыслению подвергается и слово **обыватель**, оно обозначает в современном языке «человека, лишенного общественного кругозора, живущего мелкими, личными интересами».

Таким образом, одно лишь слово **горожанин** до наших дней сохранило свое старое значение, оставшись единственным словом для обозначения «жителя города».

Исторические события залечивались и в словах **отечество**, **отчизна**. В древний период эти слова имели значение «место рождения, принадлежность по родству». В начале XVIII века, в эпоху Петра I, в связи с ростом национального самосознания, патристических чувств они переосмысливаются и получают новое социальное значение — родная страна, государство. Во второй половине XVIII века слова **отечество**, **отчизна**, как и слова **гражданин**, **общество**, **равенство** и др., наполняются новым общественно-политическим и революционным содержанием. Со словами **отечество**, **отчизна** связывается мысль об общем благе, равенстве всех граждан, свободе.

Радищев, например, такие чувства, как любовь к вольности (свободе) и любовь к отечеству, ставил рядом. Он писал: «побуждать без напряжения ко всему тому, что в народоуправляемом государстве любовь вольности и отечества могут произвести великого и великодушного» («О добродетелях и награждениях»). Подобные мысли высказывал и Фонвизин: «Сильнейшее самолюбие, исполненное нежности, прелести и приятности, слово отечество заключало все то, что души возбудить и возвысить может» («Рассуждение о национальном любочестии»).

Слово **отечество**, как мы уже говорили, было запрещено указом Павла I. Но оно продолжало бороться, передавая от поколения к поколению свободлюбивый смысл, заключенный в нем. Оно было любимым словом декабристов. Николай Иванович Тургенев, один из учредителей «Союза благоденствия» и «Северного общества», писал с большой буквы это слово, когда говорил о «благе, о чести, о славе Отечества» («Мысли о составлении Общества»). В «Уставе Союза Благоденствия» его членом вменялось в обязанность «Неутомимо содействовать благу Отечества и во всех действиях своих поступать сообразно сей великодушной (в значении «великой») цели».

И в наши дни слово **Отечество** мы часто пишем с большой буквы, когда хотим употребить его в том высоком смысле, который вложили в него наши предки.